УДК 323.1:008

ГОРИН Д.Г.

Культурные факторы национальной политики в России: хронотопический анализ

В статье рассматриваются социальные и культурные факторы национальной политики в современной России. Для анализа проблем и противоречий в реализации различных проектов национального строительства требуются новые аналитические инструменты. На основании реализованного автором хронотопического анализа он приходит к выводу о повышении роли гражданского общества в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная политика, политическая культура, империя, гражданская нация, гражданское общество.

Проблема нациестроительства в современной России определяется целым рядом существенных противоречий. В научном дискурсе одно из них отражается в споре между примордиалистами и конструктивистами. Первые настаивают на естественной природе нации, а сам процесс нациестроительства понимают как оформление «заложенных природой» этнических признаков. Однако в условиях социальной и культурной дифференциации задача формирования нации как продукта этногенеза оказывается теоретически устаревшей и небезопасной в практическом плане. Примордиалистскому подходу противопоставляется конструктивистский. В конструктивистском духе нация определяется как «воображаемая политическая общность» (Б. Андерсон)[1]. Однако в российских условиях построение нации в понимании конструктивистов также продвигается с трудом. Различные варианты конструируемой властью «национальной идеи» (от уваровской триады времен Николая I и до брежневской модификации коммунистического идеала в потребительском духе) могли интегрировать поликультурное общество лишь в краткосрочной перспективе (несколько десятилетий – слишком маленький период для процесса нациестроительства).

Другое противоречие состоит в несоответствии инерции исторического опыта нациестроительства современным вызовам. Необходимость минимизации угрозы этнонационализма в условиях глобализации, усложнения социальных практик и исчерпанности режима «ручного управления» требует переключения усилий на воплощение проекта гражданской нации. Но реализации этого проекта препятствует традиция решения национального вопроса «сверху» путем фрагментации гражданской самоорганизации и вытеснения механизма согласования интересов из пространства публичной политики.

Оба этих противоречия так или иначе проявляют еще одну линию дискуссий о природе национальной общности и, соответственно, о концепции национальной политики. В одном случае эта общность понимается как результат «переплавки» этнического материала в горниле имперской идентичности (известная формула: «единая общность советский народ»). В другом – нация предстает именно как «гражданская нация», т.е. общность, возникающая в результате гражданской самоорганизации и обретения чувства гражданственности.

В целях исследования причин и возможностей разрешения существующих противоречий в российской практике нациестрои-

тельства полезно обратиться к более широким социально-гуманитарным ракурсам, позволяющим представить национальную проблему в контексте сложившейся в России макросистемы культурной и политической регуляции. В частности, перспективным является развитие метода хронотопического моделирования (восходящего к учению М.М. Бахтина о хронотопе как единстве времени, пространства и смысла[2]) в проблемном поле политологического анализа социальной и культурной интеграции (дифференциации) сложных полиэтничных обществ. Очевидно, что перенесение хронотопического подхода в поле анализа названной проблематики требует существенных обоснований, которые и были предприняты ранее[3]. В частности, следует иметь в виду, что в социальной (и политической) реальности мы сталкиваемся как минимум с тремя проявлениями временны*ы*х и пространственных отношений. Во-первых, это социальное время и пространство, задающее фундаментальные различия, на которых основывается кодифицирующая функция власти и социальных институтов (эти аспекты проблематизируются, например, в трудах П. Сорокина, П. Бурдьё, Э. Гидденса). Во-вторых, это естественные характеристики времени и пространства, которые означиваются и определяют культурные различия (одним из первых эта проблематика была представлена И. Гердером в «Идеях к философии истории человечества», другим примером является исследование ландшафта как фактора этногенеза Л. Гумилевым). И, в-третьих, это собственно хронотопы как «ворота смысла», открывающие символические и воображаемые планы реальности (эта проблематика развивалась в нескольких направлениях: от кантианского наследия к неокантианству и, например, «Философии символических форм» Э. Кассирера, от идей Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Бахтина к переосмыслению феноменологического наследия в работах Ж. Деррида и от философии жизни А. Бергсона к тезисам Ж. Делеза о кино и его «Логике смысла»).

Операционализация хронотопических параметров национально-культурной интеграции (дифференциации) поликультурного общества была предпринята на основании выделения следующих индикаторов:

– формы влияния сакральных смыслов на переживание времени-пространства и способы взаимосвязи между сферой священного и хронотопами повседневной жизни;

– ориентация на открытость или закрытость отдельных топосов и принципы разделения пространства на свое-чужое, центральное-периферийное, приватное-публичное;

– стремление к дифференциации или универсализации временны*ы*х ритмов и пространственных топосов;

– цикличное или линейное переживание времени;

– фиксация культуры на прошлом, настоящем или будущем;

– соотношение времени-хронос, времени-кайрос и вневременных смыслов (эон);

– доминирование в культурной картине мира вертикали или горизонтали и способы реализации соответствующих путей социальной интеграции;

– предпочтение стабильности или преобразований, формы проявления и чередования мобилизационного и застойного времени.

Эти и другие параметры дифференцируются по уровням анализа: от микроуровня локальных (в т.ч. этнических) культур и до уровня функционирования политических макроинтеграторов, связанных также и с глобальными тенденциями, делающими национализм все более локальным.

В результате проведенных исследований выявлены характерные для политической культуры России особенности хронотопа, объясняющие сложности в формировании национального самосознания. В качестве ключевого параметра культурного хронотопа рассматривался способ разрешения напряженности между структурами повседневности и трансцендентными идеалами. Теоретические предпосылки исследования этого параметра были заложены в работах М. Вебера[4], С. Булгакова[5], Ш. Эйзенштадта[6] и др. Разрешение напряженности между структурами повседневности и трансцендентными идеалами (между сущим и должным, или, в терминологии Ш. Эйзенштадта,

между «мирскими и сакральными порядками») в различных культурах осуществлялось, во-первых, в религиозных учениях о спасении и, во-вторых, в социальной институционализации очагов спасения. Ш. Эйзенштадт вслед за М. Вебером показал, что с возникновением этих очагов в соответствующих сферах социально-политической жизни происходит концентрация ресурсов и расширение рынков (как это было, например, в протестантском мире, где повседневные хозяйственные практики стали очагом спасения; другим примером является оформление очага спасения в военно-мобилизационной сфере некоторых исламских обществ). Способы разрешения этой напряженности (как в духовной, так и в институциональной сферах) до сих пор существенно определяют конфигурацию соотношения оснований веры, обычая и власти (т.е. сакрального, повседневного и институционального), что существенным образом определяет функционирование сферы политики[7].

В силу разных причин разрешение напряженности между реальной жизнью и идеалами должного в российской культуре происходило прежде всего в духовной, а не в институциональной сфере. Поэтому идеальные образцы, как правило, создавались в отрыве от политической реальности, а стремления к идеальному часто оказывались лишенными преобразующей силы и оторванными от социальных институтов, способных содействовать самоорганизации гражданской нации (в этом отношении феномен маниловщины не является случайным).

Поэтому функции социальной и культурной интеграции полиэтничного общества сосредоточивались в сфере государственно-властных отношений. При этом власть традиционно отрывалась от структур повседневности, поддерживая сакрализацию собственных оснований, вынесенных за пределы гражданского общества (формула общественного договора как источника власти хотя и продекларирована, но до сих пор редко принимается всерьез в российской политической культуре). Эта особенность напрямую связана и с характерным для культуры России хронотопом власти. «Русская духовность, – по словам С.С. Аверинцева, – делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака; и ни в чём это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Поэтому власть – «это нечто находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее»[8]. Само государство в хронотопе российской культуры связывается не с «землей», а чаще всего с «небом» (стремления к сакрализации оснований власти). Или если действующая власть оценивалась негативно, то ее локализация в массовых представлениях как бы «проваливалась» под землю (государство как абсолютное зло, чудовище, бездушная система). В этом случае распадались и все огосударствленные социальные интеграторы, что каждый раз вело к «смуте» – весьма характерному именно для российской культуры состоянию. «Средний» вариант осмысления государственности как результата общественного договора оказывается лишенным смыслового онтологического обоснования в условиях неразвитости пространства публичной политики. И до сих пор легитимация государственной власти в массовом сознании обретается в большей степени через укоренение власти не в гражданском обществе, а в недосягаемых и таинственных топосах. Это очевидным образом проявляется в характерной иррациональной политической мифологии, основанной на сакрализации власти, конспираторике, воспроизведении невнятных образов множащихся врагов.

Задача синхронизации повседневной жизни и государственно-властных регуляторов решалась, как правило, путем централизации управления и принятия мер принудительного характера. В ответ на такие меры разнообразные сегменты фрагментирующегося и атомизирующегося общества имитировали лояльность и проявляли самоорганизацию в разрозненных теневых (не обязательно криминальных) топосах. Катастрофическое разрастание теневой сферы еще в позднем советском обществе стало результатом десинхронизации повседневной жизни и сферы управления[9]. В этих условиях «вертикаль власти» оказывалась неспособной управлять целыми сегментами обще-

ственной жизни, а искаженная горизонтальная самоорганизация, будучи вытесненной в теневые топосы, не могла ограничивать дезинтеграционные интенции и коррупционные аппетиты бюрократической иерархии.

Выявленные особенности проявления культурного хронотопа в сфере взаимодействия власти и общества позволяют сделать выводы о существенных блоках, препятствующих проведению эффективной национальной политики и формированию в России гражданской нации.

Интеграционные усилия власти, оказывающейся перед вызовами в высшей степени разнообразного этнокультурного пространства, принимали, как правило, одну и ту же форму. Укрепление культурных интеграторов осуществлялось путем развития иерархических структур и разобщения горизонтальных связей, лежащих в основании гражданской самоорганизации. Преодоление конфессиональной и этнокультурной ограниченности происходило на основе обращения к макроинтегративной системе мышления, которая не должна была иметь явной связи с какими-либо локальными (этнонациональными) частностями. Начиная с Петра I, в качестве такой универсализированной системы мышления выступали различные модификации имперского сознания, заимствованного из западной политической традиции. Эти модификации выражались в различных вариантах господствующей в тот или иной период государственной идеологии. Имперский проект, альтернативный формированию гражданской нации, в истории России воспроизводился несколько раз (в варианте, например, империи Петра I или империи Сталина). И, как правило, он основывался на точечной и однобокой вестернизации, позволявшей модернизировать экономику, сохраняя архаичные общественные отношения. Сталинская индустриализация, например, весьма причудливым образом сочеталась с реанимацией крепостнической системы (так же как и развитие мануфактур, по мысли Петра I, должно было основываться на крепостном труде). Цель подобного рода проектов авторитарной модернизации состояла в усилении власти и решении военно-промышленных и фискальных задач. В настоящее время в политической культуре России очевидным образом наблюдаются остаточные проявления имперских синдромов. Однако реанимация имперского проекта вряд ли возможна по целому ряду причин. Империя всегда основывалась на экстенсивном развитии – развитии за счет расширения геополитического влияния и вовлечения дополнительных ресурсов. Возможности такого типа развития были исчерпаны еще в 1960–70-е гг., и его возобновление в современных социально-экономических условиях представляется неперспективным. А для интенсивного развития нужны иные системы мотивации экономически и социально активных слоев, которые в рамках реанимации имперского типа национальной интеграции невозможны. Кроме того, для реализации имперского проекта в современной России отсутствуют демографические ресурсы (хотя это отсутствие пока вполне компенсируется ресурсами сырьевыми). И, наконец, этот проект всегда был основан на милитаризации политики и жизненных стилей, что было возможно в условиях аграрного общества или ранней урбанизации, но оказывается маловероятным в обществе потребления. В настоящее время роль имперских стереотипов в интеграции российского общества исчерпана: их поддержание будет требовать от власти известной логики действий, которая сегодня может лишь имитироваться.

Поэтому актуальность приобретает альтернативный имперскому проект формирования гражданской нации за счет разблокирования горизонтальной самоорганизации и публичной сферы, укрепления социальных связей, расширения радиуса доверия и накапливания социального капитала.

Разумеется, развитие гражданской нации – сложный и длительный процесс, чреватый серьезными угрозами и срывами. Одной из таких угроз оказывается волна этнонационализма, которая сдерживается сегодня, как может показаться, именно благодаря замораживанию публичной политики и блокированию проявления граж-

данской самоорганизации. Однако не следует забывать, что этнонационализм подпитывается также и в результате перекосов невнятной национальной политики власти. Сложилась, например, явно несправедливая система распределения бюджетных средств: если в 2010 году на каждого гражданина России приходилось в среднем 5 тыс. рублей средств из федерального бюджета в виде различных трансфертов, то эта цифра по Северной Осетии составила 12 тыс., Кабардино-Балкарии – 12,9 тыс., Карачаево-Черкесии – 13,6 тыс., Дагестану – 14,8 тыс., а по Чеченской Республике – рекордные 48,2 тыс. рублей[10]. Подобные диспропорции оказываются следствием имперского наследия (империя традиционно опирается на этнические окраины, минимизируя тем самым угрозы сепаратизма и этнонационализма с их стороны). Однако поднимающаяся волна русского национализма свидетельствует об исчерпанности возможностей решения национального вопроса в рамках этой логики. Дальнейшая имитация демократических процедур и навязывание обществу интересов централизованной бюрократии способны обернуться серьезными потрясениями.

Для формирования отвечающей современным вызовам национальной политики необходимы восстановление полноценного диалога между различными локальными (в том числе этническими) сообществами и настройка политических институтов на создание процедур открытого согласования социальных интересов многообразных социальных слоев и территорий. Этим целям может служить воссоздание осовремененных форм «демократии малых пространств», о которой в свое время писал А.И. Солженицын[11]. Необходимость разрешения напряженности в этнонациональных отношениях потребует наполнения заложенных в Конституции Российской Федерации принципов федерализма реальным содержанием. Существенным конструктивным потенциалом в развитии воображаемых сообществ могут стать социальные сети, в которых сегодня проявляется не только защитная и протестная, но и проектная активность новых городских сообществ. Роль гражданского общества в поддержании национальной идентичности и укреплении социальных и культурных интеграторов приобретает, таким образом, принципиальное значение уже в краткосрочной перспективе.

---

[1] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

[2] Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.

[3] Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. М.: Либроком, 2011; Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М.: URSS, 2011.

[4] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

[5] Булгаков С. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.

[6] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. А.В. Гордона; под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 204–210.

[7] Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. С. 36–40, 80–85.

[8] Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 234–235.

[9] Экономика развитого социализма: административный рынок, застой и нефть. Интервью с Виталием Найшулем // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 2(52). С. 53–58.

[10] Лексин В.Н. Национальная политика многонационального государства // Государственная политика нациестроительства в современной России. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2011. С. 85.

[11] См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.